

МИТРА ПАПИЛИН

ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ



ПОВЕСТЬ

Митра Папилин

Двадцать третья

<https://litres.ru/74515188>

SelfPub; 2026

Аннотация

Повесть о тридцати годах земской службы в глухом уезде, где половина детей не доживает до пяти лет и отчёты в управу остаются без ответа. Пётр Николаевич давно не думает ни о подвиге, ни о долге. Он знает, за сколько часов забивается трубка и сколько верст до Выселок. В его журнале девочка станет двадцать третьей.

Содержание

Глава I	4
Глава II	8
Глава III	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Митра Папилин

Двадцать третья

Глава I

Березовые дрова в изразцовой голландке прогорели еще к одиннадцати, и теперь из углов кабинета тянуло холодом. Земский доктор Петр Николаевич спал на жестком кожаном диване прямо поверх суконного одеяла, не сняв толстых вязаных носков, а за двойными рамами густо валил февральский снег.

В стекло глухо и часто застучали костяшками пальцев. Петр Николаевич открыл глаза, спустил ноги на ледяные некрашенные половицы, нашарил подшитые валенки и вышел в тесные сени, где пахло мышами и отсыревшим деревом. Он отодвинул тяжелый железный засов, наметенный за ночь сугроб нехотя подался, и вместе с облаком снежной пыли в сени ввалился больничный сторож Степан в овчинном тулупе. Степан стянул обледенелую шапку; борода у него смерзлась от дыхания в желтую корку, и в тепле от его одежды сразу пошел резкий запах конского пота и мокрой шерсти.

— Доктор, беда, — хрипло сказал он. — С Выселок от Игната верховой прискакал. У Игната младшая задыхается. Горловая жаба.

Петр Николаевич хорошо помнил Игната из Выселок, до которых по почтовому тракту считалось двенадцать верст.

— Давно началось? — спросил доктор.

— Верховой сказывал, вчера к вечеру сипеть стала, а сегодня с обеда и воду не пьет. Лежит черная, грудь ходуном ходит. Он своего мерина чуть насмерть не загнал. Я нашего уже запряг.

Петр Николаевич молча задвинул засов, вернулся в кабинет, чиркнул серной спичкой и зажег керосиновую лампу. Неровный желтый свет выхватил заваленный бумагами стол, стеклянный шкаф со справочниками и фаянсовый умывальник. Из-под стола доктор вытянул старый саквояж черной свиной кожи, весь в глубоких трещинах, с ручкой, истертой за тридцать лет практики. Распухшими от застарелого ревматизма пальцами он отщелкнул медные замки и стал по порядку проверять укладку.

Убедившись, что притертая пробка на флаконе с карболовой кислотой сидит плотно, Петр Николаевич уложил в гнезда пинцет, скальпель с пожелтевшей костяной рукояткой и толстый моток суровых ниток. На дно легли жестяная банка с хлороформом и проволочная маска для наркоза, а в отдельный бархатный футляр он бережно убрал серебряную трахеотомическую трубку. Она требовалась ему нечасто: в глухих деревнях дети с дифтеритом обычно задохлись раньше, чем успевал приехать врач.

Сборы заняли пять минут. Доктор снял с деревянной ве-

шалки суконную поддевку и натянул поверх нее медвежью шубу с высоким воротником. Лисью шапку он надвинул на самые брови, а в глубокий карман сунул коробок спичек и кисет с махоркой.

Когда они вышли на обледенелое крыльцо, запряженный в простые розвальни больничный мерин уже стоял по колено в снегу, выпуская из ноздрей пар, который тут же оседал инеем на дуге. На дне саней поверх скудной мерзлой соломы валялся дырявый дерюжный мешок. Пока Степан отвязывал задубевшие вожжи от коновязи, Петр Николаевич поставил саквояж в ноги и грузно опустился на солому в своей стоящей колом шубе.

Степан вскочил на облучок, сипло крикнул: «Пошла, милая!» — и полозья с сухим скрипом прорезали наст, унося сани за околицу спящего Городища.

Дороги впереди уже не было: низовая метель сровняла колею с полем. Ветер бил слева и сек лицо колючей крупой, и Петр Николаевич глубоко спрятал подбородок в мех воротника, сунул руки в карманы и нащупал там кисет. Вокруг стояла белая мгла, в которой небо слилось с землей и пропали все приметы пути. Степан правил стоя, на чуть согнутых коленях, и не кричал на лошадь, а только время от времени подергивал намокающие вожжи. Мерин шел шагом, проваливался в снег по грудь, дышал с натугой и поминутно мотал головой, отгоняя летящие в глаза хлопья.

На скрытой под настом яме сани резко осели левым поло-

зом; саквояж больно ударил доктора по голени, но он успел упереться руками в борт и выровняться. Холод понемногу пробирался сквозь подошвы валенок, пальцы на ногах теряли чувствительность, а до Выселок оставалось еще десять верст.

Глава II

Ветер по-прежнему гнал по невидимому полю сухую крупку; она секла лицо, забивалась под воротник и таяла на теплой шее. мех у рта обледенел от дыхания, на усах намерзали сосульки. Доктор сидел на дне саней, привалившись спиной к промерзшему лубу, и сквозь тонкий слой прелой соломы от земли тянуло холодом. Холод медленно проходил через подшитые подошвы, через толстые шерстяные носки и окончательно сковывал пальцы ног.

Широкая спина Степана давно превратилась в сугроб. Мерин шел шагом, увязая по грудь и с натугой выдирая копыта из плотных переметов, полозья скрипели монотонно и убаюкивающе. Кругом ходила белая муть, небо слилось с землей, от дороги не осталось и следа, и Степан правил только по памяти да по ветру, изредка привставая, чтобы разглядеть впереди вешку.

Петр Николаевич захотел узнать время и попытался растегнуть шубу, но окоченевшие пальцы в кожаных перчатках не гнулись. Пришлось стянуть правую перчатку зубами, и голую кисть сразу обожгло морозом. Он просунул руку за пазуху, под сукно поддевки, нащупал в жилетном кармане холодный металл и вытащил серебряную луковицу часов. Крышка щелкнула и откинулась, но в темноте циферблата было не разглядеть. Доктор достал коробок и чиркнул спичкой —

ветер тут же сдул огонь. Вторую он заслонил полой шубы, и в желтом свете проступили черные стрелки: половина первого. Ехали уже час, а прошли по сугробам не больше пяти верст.

Спрятав часы, он долго натягивал перчатку на онемевшие, похожие на деревянные палочки пальцы. В коленях тупо заныл ревматизм, который жил с ним последние десять лет, усиливаясь в ноябре и отпуская только к маю. За тридцать лет службы в уезде Петр Николаевич провел в таких санях сотни ночей — в слепые метели, в осеннюю распутицу, в весенние разливы. Дороги повторялись из года в год: Выселки, Городище, Малые Ключи; повторялись и болезни: сыпной тиф, холера, дифтерит, сифилис, белая горячка.

В ногах на ухабах подпрыгивал старый саквояж, купленный в Москве в год окончания университета. Тогда кожа была гладкой и блестела, теперь она вся потрескалась, углы протерлись до серой основы, латунные замки позеленели. Внутри лежало все то же самое: скальпели стачивались о брусок, и он выписывал новые; кончались нитки, и он покупал другие катушки. В деревнях умирали люди, бабы рожали новых, и доктор снова ехал к ним сквозь ночь, замечая перемены разве что в масти крестьянских лошадей.

Вдруг сани резко накренились: правый полоз ухнул в занесенную рытвину, мерин дернулся, захрипел и встал, окутавшись паром. Степан слез с облучка, провалившись по пояс, поплевал на рукавицы и взял лошадь под уздцы.

— Но, милая! Давай!

Мерин рванулся, но сани не сдвинулись: они сели задком на мерзлый край ямы.

Петр Николаевич поднялся. Отяжелевшая шуба тянула к земле. Он перекинул ногу через борт, прыгнул и сразу набрал снега в голенища. Подошел к задним копылам, уперся руками в заледенелое дерево и велел Степану тянуть. Доктор навалился на розвальни грудью, дерево жалобно скрипнуло, снег под ногами поехал, и он упал на колени, но сани с треском выскочили из ямы. Мерин протащил их шага три и встал. Петр Николаевич поднялся, отряхнулся и побрел к саням, слыша, как неровно колотится сердце. Он был уже немолод и давно знал за собой эту одышку, но в такие ночи о ней не думал: думать было некогда. Сел обратно на солому, Степан молча забрался на облучок, и они поехали дальше.

Крутой лог, в версте от Выселок, проскочили почти с ходу: снег в овраге еще не успел слежаться, мерин, оседая на задние ноги, съехал по склону и в три рывка вынес сани на другую сторону. Степан только оглянулся на доктора и ничего не сказал.

К исходу второго часа ветер зашел в спину, снежная пелена поредела, и в воздухе потянуло березовым дымом и навозом. Вдалеке брехнула собака: подъезжали к Выселкам. Деревня была в одну длинную улицу, избы стояли темными сугробами, занесенные по самые окна. Огонь горел только в одном доме, на краю, и Степан направил туда мерина, кото-

рый шумно раздувал мокрые ноздри.

Петр Николаевич взял саквояж, открыл калитку и прошел по утоптаным ступеням в сени, где пахло мороженой квашеной капустой и овечьей шерстью. Нашупал ручку двери, обмотанную грязной тряпкой, потянул — и в лицо ударил удушливый жар. Изба была пропитана дегтем, керосином, невымытым телом и кисловатым запахом запущенной болезни. За дощатой перегородкой топтался теленок, на некрашеном столе горела лампа без стекла, и от фитиля к закопченному потолку поднималась тонкая нить черного дыма. Посреди избы стоял Игнат в засаленной холщовой рубаше, расстегнутой на груди, а у печи сидела баба и держала на коленях сверток из лоскутного одеяла.

Из свертка доносился мерный, почти механический звук. Вдох был неестественно длинным и свистящим, словно воздух протаскивали сквозь узкую трубку, выдох — коротким и сиплым. Этот клеткот заполнял всю избу, перекрывая и треск дров, и сопение теленка.

— Доктор, — Игнат шагнул навстречу. — Помирает.

Петр Николаевич поставил саквояж на стол и хотел расстегнуть шубу, но пальцы соскальзывали с деревянных пуговиц. Игнат подошел и быстро расстегнул тугие петли; доктор сбросил шубу на лавку и остался в поддевке. Сняв шапку и отерев рукавом прилипшие ко лбу седые волосы, он посмотрел на свои руки. Кисти были мертвенно-белыми, костяшки отливали синевой, ногти посинели. Такими руками он не от-

крыл бы и замка саквояжа, не то что удержал бы скальпель. А при дифтерийном крупе счет шел на минуты: если серая пленка закроет гортань целиком, ребенок задохнется, и для трахеотомии нужна была твердая рука.

Доктор шагнул к печи, и баба с ребенком поспешно отодвинулась. Заслонка была открыта, внутри тлели красные угли, раскаленные кирпичи дышали жаром. Петр Николаевич вытянул руки над шестком ладонями вниз, вершках в пяти от кирпичей, и нарочно не стал растирать их: пусть тепло входит медленно, сквозь задубевшую кожу.

Первые две минуты он ничего не чувствовал и смотрел на свои руки как на чужие, а за спиной не переставая свистело детское дыхание. Баба тихо завывала, раскачиваясь из стороны в сторону.

— Замолчи, — бросил Петр Николаевич не оборачиваясь, и она затихла, только глухо всхлипывала.

Наконец тепло дошло до суставов. Кончики пальцев закололо, а следом пришла острая, дергающая боль — в сузившиеся сосуды возвращалась кровь. Боль шла от ногтей к запястьям, тыльная сторона ладоней наливалась багровым. Доктор перевернул руки ладонями вверх, сжал кулаки до хруста, разжал, снова сжал, стиснув зубы и терпеливо возвращая пальцам послушность.

В свете углей он смотрел на свои старые руки — на кривой после давнего перелома указательный палец, на рыжие старческие пятна. Эти руки годами вынимали осколки ко-

стей из ног, раздробленных упавшими лесинами, переворачивали сотни вшивых тифозных, промывали сифилитические язвы. Тридцать лет он смотрел, как они делают одну и ту же грязную и кровавую работу, а болезни все возвращались, грязь в избах оставалась прежней, и смерть исправно забирала свое.

Свист за спиной вдруг стал прерывистым. Вдох затягивался все дольше, и между ребрами у ребенка проступали глубокие ямы: мышцы из последних сил тянули воздух сквозь забитую пленками гортань.

Петр Николаевич свел ладони и с силой растер их. Ладони зашуршали друг о друга, боль стала тупой и терпимой, пальцы налились теплом. Он пошевелил ими, проверяя, свободно ли ходят суставы, отошел от печи и двумя пальцами отщелкнул тугие замки саквояжа.

— Неси лампу сюда, — сказал он Игнату. — Ребенка на стол. Шею освободить. Таз с кипятком и чистое полотенце.

Пока Игнат переставлял коптящую лампу на край стола, а баба укладывала задыхающийся сверток на доски, доктор достал жестяную коробку со скальпелями и бархатный футляр с серебряной трубкой. Он вынул притертую пробку из флакона с карболкой, щедро плеснул на согретые ладони, и резкий аптечный запах сразу перебил кислую вонь избы. Тщательно растирая кислоту по пальцам, Петр Николаевич приготовился резать.

Глава III

Девочке было года три. Баба размотала лоскутное одеяло, и ребенок остался на досках в одной холщовой рубашонке. Кожа была серой, землистой, губы и ногти — темно-синими. Девочка металась и запрокидывала голову; при каждой попытке вдохнуть кожа над ключицами и между ребрами втягивалась, грудная клетка проваливалась, и воздух с сипом протискивался сквозь суженную гортань.

Петр Николаевич взял кусок гигроскопической ваты, смочил спиртом и протер ребенку шею. Кожа была холодной и липкой от пота.

— Держи ее, Игнат, — сказал доктор. — Наваливайся на плечи всем весом. Голову держи намертво. Дернется под ножом — задену сонную артерию, и она за минуту кровью изойдет.

Игнат зашел с изголовья, положил широкие ладони девочке на плечи и прижал их к доскам, а большими пальцами придавил виски. Баба стояла в ногах и держала дочь за колени.

Петр Николаевич взял скальпель с костяной рукояткой; лезвие блеснуло в свете фитиля. Указательным пальцем левой руки он нащупал на шее перстневидный хрящ. Под пальцем билась жилка. У детей трахея подвижная и при каждом вдохе уходит вглубь, поэтому доктор туго натянул кожу.

Он провел вертикальный разрез по средней линии шеи, ниже щитовидного хряща, длиной в полтора дюйма. Кожа разошлась, выступила темная венозная кровь. Доктор промокнул ее ватой; под кожей показалась тонкая прослойка жира и фасция. Девочка дернулась всем телом, Игнат навалился сильнее, и доски стола скрипнули.

— Держи, — повторил Петр Николаевич.

Он раздвинул мышцы тупым концом пинцета. Кровь заливала рану, и в тусклом свете лампы трудно было отличить одну ткань от другой, так что доктор работал больше на ощупь, доверяясь памяти пальцев. Наконец он нащупал хрящевые кольца трахеи — твердые и скользкие.

Прижав трахею пальцем, чтобы она не ушла в сторону, Петр Николаевич повернул скальпель лезвием вверх и одним коротким точным движением проколол стенку между вторым и третьим кольцом и рассек ее.

Из разреза с резким свистом вырвался воздух, за ним последовал судорожный кашель, и из раны ударила кровь вперемешку с серой дифтерийной пленкой и гнойной слизью. Сгусток попал Петру Николаевичу в грудь и оставил на сукне поддевки мокрое пятно. Доктор не отстранился.

Он взял серебряную трубку — два вложенных друг в друга изогнутых цилиндра с ушками на наружном щитке, — развел пинцетом края разреза и ввел ее в трахею. Девочка снова закашлялась, и из трубки полетели мелкие брызги слизи.

Петр Николаевич продел в ушки суровую нитку, обвел ее

вокруг детской шеи и затянул узел на затылке.

Сиплый звук оборвался. Воздух пошел через серебряный канал, и дыхание стало ровным, влажным, с легким бульканьем, но уже без сопротивления. Грудь перестала проваливаться. Синева на губах начала светлеть, уступая бледно-розовому цвету, лицо обмякло. Девочка закрыла глаза и уснула.

Петр Николаевич бросил скальпель в таз с горячей водой, и вода сразу замутилась бурым. Он вытер пальцы чистой ватой. Руки пахли железом и карболкой.

Игнат снял ладони с плеч дочери и медленно выпрямился. Рубаха на спине у него потемнела от пота и прилипла к телу. Он вытер мокрый лоб тыльной стороной ладони. Баба сползла по ножке стола на грязный пол, перекрестилась и снова стала раскачиваться из стороны в сторону.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.